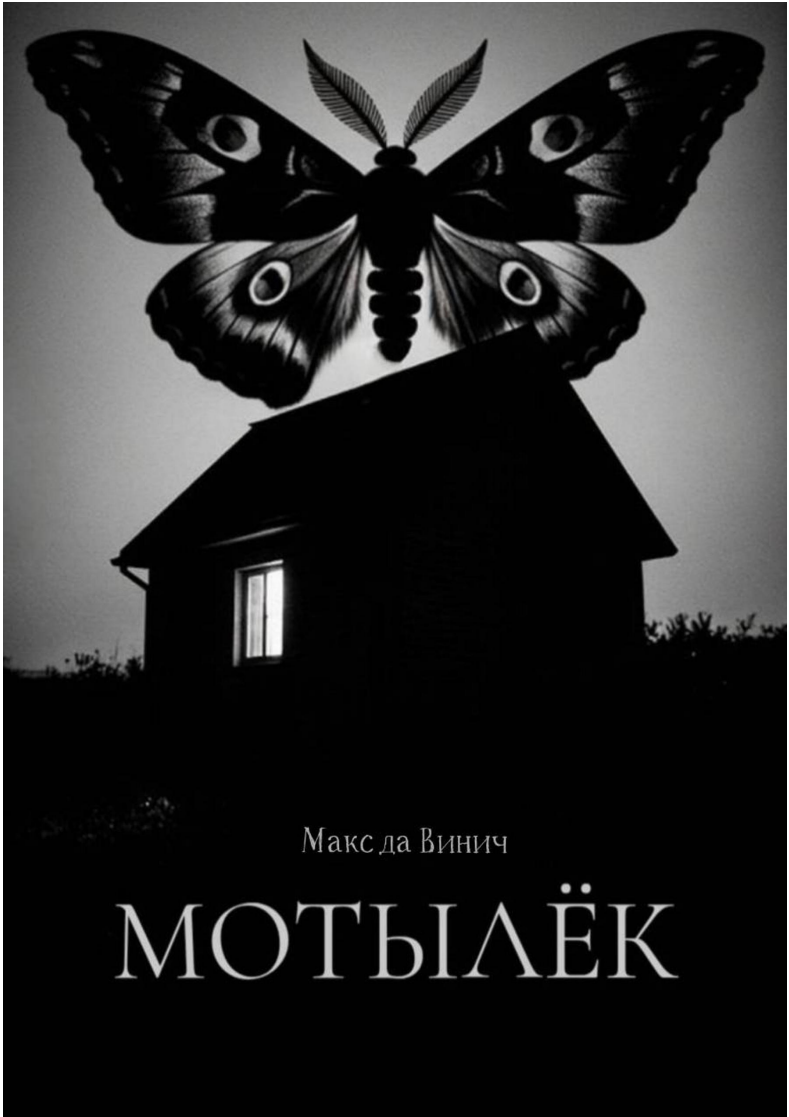

Макс да Винич
МОТЫЛЁК

Макс Винич
МОТЫЛЁК

https://litres.ru/74706997
SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький мальчик живёт один в своём доме, не выходя за порог. Стены надёжно защищают его от опасностей, подстерегающих снаружи. Но смогут ли они уберечь от того, что обитает внутри самого дома?

Содержание

ГЛАВА I. Я и Оно 5
ГЛАВА II. Я и мотылёк 25
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Макс Да Винич
МОТЫЛЁК

ГЛАВА I. Я и Оно

«Большинство людей в действительности не хотят свободы, потому что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит».
Зигмунд Фрейд

Густая, непроглядная тьма окружала встревоженного мальчика, робко стоящего под высоким фонарём, словно ожидая спасения в свете, исходящего от него. Темнота медленно обступала его, и казалось, небольшой светлый участок, в котором он находился, становился еще меньше. Но мальчик понимал, что бояться следует не саму темноту, неустанно ползущую в его сторону, а то, что она в себе скрывает, что-то ужасное, что-то безжалостное, и стоит только сделать шаг и ступить в эту тьму, как оно набросится на тебя и разорвет в клочья. Мальчик испытывал на себе пристальное внимание множества глаз и изо всех сил старался держаться как можно ближе к фонарю, веря в его защиту и спасение.

Примкнув к фонарному столбу, напуганный ребёнок заметил на нём довольно крупного, невозмутимо подрагивающего длинными усиками, серого мотылька. Он был неподвижен, и казалось, что он спит, лишь изредка и лениво по-

качивая пятнистыми бледными крылышками. Его не тревожило присутствие маленького мальчика, и совсем не смущал любопытный детский взгляд. Мальчик же так изумился своей новой компании, так увлекся этим удивительным существом, рассматривая многочисленные ворсинки на его пухлом тельце, что на мгновение забыл про черную бездну, простирающуюся вокруг.

Гулкое, зловещее дыхание, раздавшееся где-то за спиной, разом вернуло на миг покинувший его страх. Мальчик в ужасе обернулся, спугнув мотылька. Тот упорхнул, оставив мальчика наедине с чем-то, что грозило ему вечным кошмаром, преследующим повсюду. Стало трудно дышать и двигаться. Страх парализовал всё тело и сделался липким, словно паутина. Что-то приближалось и хотело его забрать. Оно шипело и скрежетало зубами. Казалось у него сотни глаз, пронзающих душу, и сотни рук, сгребающих все на своем пути к себе в логово. Хорошо тому мотыльку, что взлетел к фонарю. Там, в свете огня, ему ничто не грозит. Но фонарь так высоко — простому человеку его не достать. Имелись бы крылья, и он устремился бы к свету, туда, где ни один враг не смог бы до него дотянуться. Так же, как и он сейчас не может дотянуться до покачивающегося в вышине, дарующего надежду, манящего фонаря. Оно приблизилось. Оно совсем рядом...

– Проснись, проснись!

Придя в сознание, мальчик еще некоторое время оставался в постели, прокручивая в мыслях только что увиденный им кошмар. Он был безмерно счастлив, тому что, наконец, проснулся.

– Ты в порядке? – Раздался рядом заботливый Голос.

Мальчик сел в кровати и протер глаза, стряхивая с себя остатки сна.

– Да, я в порядке. – Ответил он, обращаясь к невидимому собеседнику. – Просто сон...

Совсем недавно он начал видеть сны. Но когда он пытался их вспомнить, вся картина рассеивалась и исчезала в недрах памяти, оставляя лишь далекие, размытые образы вроде горящего пламени или зеркальных стен. Зеркала мальчик не любил, он всегда старался обходить их стороной, потому что боялся увидеть в них что-то, что могло его огорчить. Своё отражение он воспринимал болезненно и избегал встречи с ним. Поэтому никаких зеркал в Доме не было. Понемногу мальчик даже стал забывать, как он выглядит. Да и имени своего он не помнил, и если кто-нибудь вдруг спрашивал, как его зовут, то он всегда отвечал: – Я, просто Я. – И его это вполне устраивало.

Мальчик, или как он себя называл – «Я», жил Дома один, если, конечно, не считать тот Голос, который иногда разговаривал с ним. Ни мужской и ни женский, этот Голос звучал, словно у него в голове, но настолько отчетливо, что казался отдельным человеком. А может, это и был человек, правда Я

никогда его не видел. И все же он понимал, кому принадлежал этот голос. Сам Дом общался с ним.

– Не думай о снах, это ночная привилегия. Наслаждайся новым днем. – Заключил Голос. – Завтрак уже на столе, умывайся и садись за стол.

– Хорошо. – Вздохнул Я и стал одеваться.

Никогда мальчик не представлял свою жизнь за стенами этого Дома. Он был его крепостью, защищающей от опасностей внешнего мира. Неизвестно, что могло с ним произойти, выйди он во двор и отойди далеко. Внутри же он чувствовал себя в полной безопасности. Ни один злоумышленник не смог бы к нему пробраться, так как окна в доме отсутствовали, кроме одной маленькой круглой форточки на чердаке, а входная дверь была заперта на ключ, который находился в потаенном месте, где именно, Я даже и не помнил. Дома его всегда окружали уют и покой, а если нужно было с кем-то поговорить, Голос всегда внимательно выслушивал его и во всем поддерживал. Не было никакой необходимости покидать своё убежище – внутри всегда имелось всё необходимое, стоило только чего-то захотеть. Это была не жизнь, а мечта.

Но последнее время эту мечту стали омрачать странные, порой даже очень пугающие сны.

– Ты сегодня задумчивый, – заметил Голос.

И правда, за столом Я не проронил ни слова, хотя обычно за завтраком он с воодушевлением рассказывал, чем бы

ему хотелось заняться днем. В этот раз он поел молча и даже немного сконфузился, когда Голос нарушил тишину.

– Дорогой, если тебя что-то беспокоит, ты можешь со мной поделиться. Ты же знаешь, я всегда поддержу тебя. Что-то случилось?

После недолгих колебаний, Я заговорил:

– Эти сны... – неуверенно начал он, – повторяются каждую ночь.

– Что ж, расскажи их мне.

Я задумался, пытаясь вспомнить содержание тех загадочных сновидений.

– Я помню лишь небольшие отрывки. Например, комнату, охваченную огнем; как я бегу по длинному горящему коридору и держу что-то в руках. Что-то... – Я запнулся, – что-то важное, но я не могу вспомнить что это.

Голос внимательно слушал, терпеливо ожидая продолжения рассказа.

– Помню другую комнату. Она была усеяна цветами, и они, кажется, разговаривали. Не помню, что они говорили, но от их слово было как-то не по себе. Они словно смеялись над кем-то.

Голос по-прежнему молчал, учтиво стараясь не прерывать мальчика без надобности.

– Третья комната была полностью изо льда, – по его лицу пробежала тень озабоченности, словно именно этот момент представлял для него наибольшую важность, – а в полу, пря-

мо посреди комнаты, зияла прорубь, и я понимал, что мне нужно нырнуть в неё, но я не мог.

Он прервался. На мгновение повисла тишина, и мальчик с волнением в голосе продолжил:

– Но один сон я помню очень хорошо. Тот самый кошмар, который я видел сегодня ночью.

И Я рассказал в подробностях всё, что испытал, находясь под тем высоким фонарем, в окружении бесконечной, всепоглощающей тьмы. И о мотыльке, что упорхнул от него, когда из темноты вдруг показались длинные руки огромного и омерзительного паука.

***

По прошествии многих ночей, Я стал запоминать незначительные детали, посещавших его сновидений. Но он все равно не мог уяснить смысл этих снов, и это его угнетало. Он сделался задумчивым, временами раздражительным и угрюмым. Даже когда Голос рассказывал ему очередную увлекательную историю, собственно им сочиненную, дабы развлечь ребёнка, Я слушал вполуха, размышляя в этот момент о чем-то постороннем. Однажды Дом даже преобразил для него комнату, окрасив стены в другой цвет, на что Я, к счастью, обрадовался и долгое время любовался причудливыми цветами, коими были исписаны стены этого дома. Но вскоре он снова сделался несчастным, и его уже не радовали эти цветы,

что еще недавно были пестрыми и яркими, а теперь истрепались и потеряли своё великолепие, так как не стало более тех зачарованных глаз, что любовались ими когда-то.

На другой раз Дом предложил игру, чем смог на время отвлечь мальчика от тяжелых мыслей. Когда Голос объяснил правила игры, Я с большим удовольствием приступил к действию. Ему нужно было выбрать любое место в Доме и спрятаться там, дожидаясь пока Голос не отыщет его, произнеся при этом громко – «нашел». Я оказался довольно искусным игроком и не раз проявлял смекалку. Он находил такие не очевидные места, куда Дом и не собирался изначально заглядывать. Больше всего мальчику нравилось прятаться на чердаке, среди множества разбросанных там вещей. Я с восторгом наблюдал из своего укрытия, как сами по себе открывались двери шкафов, куда по мнению искавшего, мог забраться мальчик; как двигались предметы, как спадали на пол простыни, укрывавшие под собой всякий ненужный хлам. И наконец когда Голос произносил долгожданное «нашел», мальчик по-настоящему ликовал. Многие дни проводили они за игрой, пока однажды Я не забрел в одну комнату, находившуюся в подвале дома. Еще только спускаясь по ступенькам вниз, Я уже усомнился в своем выборе, но Голос уже досчитывал до десяти, и времени на поиски другого места не оставалось. В легком смятении мальчик спустился вниз и неуверенно побрел по темному проходу к массивной двери, запертой на засов. Сверху Голос окончил счет и ра-

достно объявил о том, что идет его искать. Я отпер тяжелую дверь и заглянул в проем. Комната была окутана мраком, и веяло из неё затхлостью и спертым духом.

Мальчик тихонько вошел внутрь, и заслонив за собой дверь, притаился. Ему было неуютно находиться в этом помещении, раньше он никогда сюда не спускался. У него участилось дыхание, то ли от волнения, что его сейчас найдут, то ли от ощущения дискомфорта, вызванного этим местом, – слишком темно было в этой комнате, и тревожно тихо. Я стал вглядываться в темноту в надежде рассмотреть хоть что-нибудь, но не добившись результата, предпочел всё-таки включить свет и простер руки, пытаясь на ощупь отыскать выключатель. И чем дольше он искал, тем сильнее нарастала тревога. В какой-то момент им начала овладевать паника. Я уже пожалел, что вошел в эту комнату и принял было решение покинуть её, пока не запутался головой в свисающих с потолка нитях. Они спадали на лицо, застилали глаза и цеплялись за пальцы. Нити были настолько невесомы, что пару раз мальчик просто хватался за воздух, пытаясь освободиться. И когда в дальнем углу комнаты послышалось движение, сопровождаемое тяжелым дыханием, Я к своему ужасу осознал, что все это время он был здесь не один, что в глубине этой черной комнаты обитает Оно, существо из его кошмара.

Я оцепенел от страха, мысли спутались как паутина на его лице, а распахнутые в ужасе глаза устремились в темноту, в которой постепенно начали проявляться очертания прибли-

жающегося отвратительного чудовища.

– Нашел...

Словно громом окатил и вырвал из оцепенения раздавшийся возглас существа.

– Нашел, – восторжествовал Голос

Наотмашь отворилась тяжелая дверь, и мальчик стремглав бросился бежать, по пути сбрасывая с себя остатки паутины.

Когда Я был совсем еще ребенком, он увидел маленького паучка, ползущего по стене его комнаты, и до того испугался, что зарылся в одеяло и заплакал. В слезах он умолял Дом выгнать этого паука, и Дом запер его в подвале.

Шло время, Я взрослел, а живущий в темной комнате паук стал постепенно забываться. И вот, достиг он того возраста, когда в каждом ребенке начинает что-то меняться; меняются мысли, чувства, словно заработали совсем другие механизмы, находившиеся изначально в выключенном состоянии. Вовсю кипит работа, винтики крутятся и шумят, не давая покоя уставшей голове. Даже ночью работа не прекращается, воплощается в различные образы, чтобы даже во сне донести до ребенка всю необходимую информацию.

Выбравшись из черной комнаты, мальчик вскарабкался на чердак и заперся в шкафу, где просидел весь оставшийся день. Голос звал его, но тот не выходил. В какой-то момент Я задремал, и ему снова приснился кошмар, где мотылёк улетает к недосягаемому фонарю, оставляя бедного мальчика

наедине с чудовищем, тянущим к нему свои длинные крючковатые лапы. Проснулся мальчик уже затемно, и Голос нежно убаюкивал его, обещая только светлые и радостные сны. С тех пор Я поклялся никогда больше не спускаться в подвал и не заходить в ту злополучную комнату. Но клятва была нарушена...

После той ужасной встречи в чёрной комнате прошло немало дней, а может, недель или даже лет. Мальчик никогда не следил за временем и предпочитал жить одним днем. Он не вспоминал прошлое и не задумывался о будущем. Все шло своим чередом, время то замедлялось, то бежало с такой скоростью, что становилось практически незаметным. Но жизнь казалась мальчику вечной и неизменной. Я всегда оставался маленьким мальчиком, сколько бы лет ни пролетело.

Сны прекратились, и кошмары больше не беспокоили. О том, что в подвале живет чудовищный паук, Я старался не думать, но от случая к случаю, проходя мимо уходящей вниз лестницы и поглядывая на темный проход, мальчик поёживался, невзирая на неоднократные заверения Дома защитить его во что бы то ни стало.

В доме не осталось ни места, где Я ни прятался от вездесущего Голоса. Игра в прятки порядком наскучила мальчику, и он подыскал себе новое увлечение. Все больше времени он стал проводить на чердаке. Копаясь от скуки в хламе, разбросанном по полу, и праздно разглядывая различные безде-

лушки, он наткнулся на разноцветные карандаши, лежавшие в небольшой картонной коробке. Там же он обнаружил и чистые бумажные листы. Не раздумывая, он смахнул со стола, что стоял у стены под маленьким окошком, ненужное барахло и принялся за работу. Я исчеркал с дюжину листов, изображая на них разные предметы, находившиеся в поле зрения: шкаф, в котором он когда-то просидел весь день, прячась от жуткого паука, игрушечных солдатиков со сломанным оружием и выцветшей от старости краской, торшер на длинной ножке. Любая вещь, что попадалась ему на глаза, старательно переносилась на бумагу. Я мог заниматься этим часами напролёт, пропуская обед или ужин, но в эти моменты Я чувствовал себя по-настоящему счастливым. Тогда-то он и увидел Её в первый раз.

Затрудняясь подобрать объект для своего нового произведения искусства, мальчик решил выглянуть в окошко, чтобы найти что-нибудь подходящее извне. Там, внизу, на деревянной скамейке, в свете вечернего фонаря, сидела девочка с необыкновенным личиком. В её лице не было чего-то особенного, но оно будто излучало теплоту своих удивительных, чистых глаз. Она читала какую-то книжку, и почувствовав, что за ней наблюдают, отняла взгляд от книги и поглядела на Я. Смущенный и обескураженный, мальчик рывком опустился на стул, не заметив её милой невинной улыбки. Мальчик так и не решился более посмотреть в окно, боясь снова встретиться с ней взглядом. Но он хотел, даже желал, снова

увидеть её лицо. И он попытался изобразить это личико на бумаге, но как он ни старался, ему не удавалось передать то тепло, что исходило от её глаз. Раздосадованный, он вскочил с места и аккуратно, чтобы его не заметили, выглянул в окошко, но скамейка была пуста. Обессиленный и разочарованный, Я разорвал неудавшийся портрет, а карандаши разбросал по столу.

Перед сном он снова припомнил её лицо, мысленно очертив её нежный и светлый образ, и сладко заснул.

***

Не проходило и дня, чтобы Я не думал о Ней. Он засыпал и просыпался с мыслями о той девочке и мечтал снова встретиться с ней. Тогда он поселился на чердаке, где неустанно высматривал её из окна, не отводя взгляда от той самой скамьи. Но незнакомка так и не появлялась.

– Отчего ты так уверен, что она придёт сюда? – Спросил как-то Голос. – Скорее всего, она не из этих мест и живет где-то очень далеко. Может, не стоит тебе подолгу стоять у окна? К тому же ты можешь простудиться.

Но Я нисколько не сомневался. Он чувствовал, что она где-то рядом, что она приходит, когда он занят своими повседневными делами и не может наблюдать её. Думая так, мальчик не оставлял надежды снова увидеть эти очаровательные и лучезарные глаза. И каково же было его счастье,

когда в один прекрасный день она всё-таки явилась и расположилась на маленькой скамейке с неразлучной книгой в руках. Столько волнения и трепета он испытал в эти минуты, тайно наблюдая за ней из окна. Девчушка не обращала на него внимания, но он был этому даже рад. Каждый миг казался вечностью, а весь мир вокруг сосредоточился лишь на Ней. Когда лучи уходящего солнца коснулись земли и тени протянули свои хищные лапы, девочка закрыла книгу, невозмутимо поднялась со скамьи и направилась прочь, но, ещё не успев повернуть за угол, она внезапно обернулась и поглядела на Я. Её лицо украшала ласковая улыбка. От неожиданности ошеломленный мальчик даже забыл, как дышать. Он ощутил, как сердце бешено застучало и будто увеличилось в размере, заполняя собой всё пространство в груди. И только когда она скрылась из виду, он выдохнул, а взволнованное сердце понемногу успокоилось.

Все последующие дни его мысли были заняты только Ей. Как бы Я ни хотел освободить голову, воспоминания накатывали по новому, рождая в нем противоречивые желания: полностью раствориться в благоговейном ожидании новой встречи или наглухо затворить окно и больше никогда в него не заглядывать. Было что-то тревожное во всем этом, будто появление этой незнакомки предзнаменовало большие изменения в жизни Я. К тому же он не знал, как вести себя с ней, о чем говорить и как реагировать, чтобы она не подумала о нем невесть что. Для мальчика все эти чувства были в но-

винку, и он решил поделиться ими с Голосом. На что Голос ответил заботой и пониманием, что как раз было необходимо смятенному ребенку.

В конце концов желание, так глубоко поселившееся в его сердце, взяло верх, и Я решил нарушить свое одиночество и пригласить незнакомку в Дом. Когда мальчик оповестил его об этом, Голос дома настороженно спросил:

– Уверен ли ты в своем решении? Может, стоит все еще раз хорошенько обдумать? Мы не знаем о ней ничего. А что если она не так безобидна, как кажется? Что если ей то и нужно, чтобы войти внутрь и как-то навредить тебе? А может, она и вовсе не одна, и за ней следят другие. И как только ты откроешь ей дверь, они выбегут из укрытия и нападут на нас. Мой долг защищать тебя от опасностей, таящихся снаружи. Но я не могу заставить тебя делать что-то против твоей воли. Именно поэтому я, как твой самый близкий друг, советую тебе еще раз всё обдумать, оценить все риски и принять правильное решение.

Я растерялся, и тень сомнения упала на его разгоряченное сердце и затуманенный разум.

– Вижу твои колебания. Это нормально. Не переживай, мой милый мальчик, я уверен ты и сам понимаешь, как важно нам быть осторожными в этом злом мире, где повсюду царит опасность и снуют ужасные монстры.

Гигантский паук мгновенно возник в сознании мальчика, и пришлось приложить усилия, чтобы сбросить с себя

наваждение. Но незнакомка никаким видом не походила на то чудовище, что таилось в подвале. Она производила совсем противоположное впечатление, несмотря на убедительные доводы Голоса. Я понимал всю опасность своего решения, но Я также понимал, что был прав, решив довериться чувствам, вызванным этой судьбоносной встречей.

Голос, словно прочитав его мысли, спокойно добавил:

– Даже при всем твоем желании, милое дитя, ты не сможешь отворить дверь без ключа. Ведь он пропал, и ты не знаешь где он.

Эти слова, словно ледяной поток, остудили и развеяли спутанные мысли мальчика. Действительно, он никак не сможет пригласить Её в дом, не имея при себе ключа от двери. Может, и правда, стоит оставить эту затею?

Раздираемый сомнениями, Я поднялся наверх и высунулся из окошка, вдыхая свежий воздух злого внешнего мира, и где-то в глубине души сознавая, что ключ от двери непременно должен быть найден.

***

Первая попытка отыскать утерянный ключ оказалась безуспешной, в сущности, из-за малого усердия, приложенного мальчиком. Я вроде и старался найти пропажу, но с долей сомнения и даже робостью. Он поверхностно прошелся по видимым объектам, не заглядывая в труднодоступные места.

Но ночью ему не было покоя. Сон не шел, и Я то и дело намеревался подняться с кровати и пойти на поиски, но было как-то неловко перед Домом. Что скажет Голос, если мальчик вдруг посреди ночи станет шарить по углам, открывать-закрывать ящики и шуметь? И Я решил, что ночь все-таки не время для поисков. Но днем ночное наваждение куда-то исчезло, и мальчик отложил это дело на потом — на день, неделю, на месяц. Бессонные ночи стали для него обыденностью, а дни — скучной формальностью. От одной только мысли о незнакомке его одолевала тоска. Тоска о беззаботном времени, когда кроме Голоса он никого не знал; когда не нужно было заботиться о чем-то, кроме того, чтоб найти себе развлечение на день. Теперь же, с появлением Её, прежняя жизнь, казалось, начинает попросту растворяться, и на замену ей приходит жизнь новая, но не обязательно лучшая.

Вид из маленького окошка на чердаке навевал меланхолию в душе юного Я. Пасмурное, почти белое небо проливало на землю свои слезы, и мальчику подумалось, что его глаза тоже небо, раз они полны влаги и роняют на пол соленые капельки воды. Его словно манило к окну, и он, подчиняясь этой навеянной мелодии, приблизился к стеклу. Его взгляд машинально упал на скамейку, на которой так любила сидеть незнакомка. Пустая скамейка вымокла от дождя, но не это заставило сердце мальчика биться сильнее. Под ней, в луже воды, обложкой вверх лежала книга. Её книга. Я рывком

открыл окно и высунул голову. Незнакомки нигде не было видно. Тогда Я нырнул обратно и спустился на первый этаж. Подбежав к двери, выходящей на улицу, он замешкался и медленно потянулся к ручке.

– Что ты делаешь? – Раздалось у него за спиной.

Я уловил тревогу в Голосе.

– Я... я, э-э... мне нужно... – Мальчик коснулся ручки двери и дернул вниз, та не поддалась. Он задумчиво провел пальцами по замочной скважине.

– Дверь заперта, ты не сможешь выйти. Ты забыл? – Уже спокойнее ответил Голос.

– Она оставила там свою книгу. Я хотел ее вернуть.

– О ком ты говоришь?

Я обернулся и с изумлением посмотрел в пустоту пред собой. Казалось, что Дом не понимает о чем речь. И это после того, как мальчик столько рассказывал ему обо всем, что так мучило и терзало его. О незнакомке и чувствах связанных с ней.

– Ах да, конечно. О ком же ещё ты можешь говорить? Ты сам не свой в последнее время, мой милый мальчик. Прошу тебя, присядь, успокойся и расскажи, что случилось?

Я рассказал ему, что видел за окном, что книга лежала на земле и что ему срочно нужно было бежать на помощь. Но после этих слов новая волна беспокойства накатила на бедного мальчика. Книга могла лежать там уже давно.

– В любом случае, ты ничем не сможешь ей помочь. По-

старайся не думать об этом. Она вернется и заберет книгу, вот увидишь. Не переживай, дорогой мальчик. Что я могу сделать для тебя? Хочешь, я приготовлю ужин или...

– Я не голоден, – тихо произнес он и направился наверх. – Я хочу побыть один.

– Если тебе что-то понадобится, только скажи.

Но все, что нужно было взволнованному мальчику, это чтобы Она явилась как можно скорее.

Весь оставшийся вечер он не сводил глаз со скамьи. Дождь уже прекратился, и в очищенном, освеженном воздухе звенела тревожная тишина. Решив, что ночью она точно не появится, Я отправился спать. Но на следующий день за книгой никто не вернулся, и на последующий тоже. Я чувствовал неладное. С ней что-то случилось, и ей наверняка нужна помощь. Этот злой мир опасен для всех, кто в нем находится. Но как ей помочь? Что нужно делать?

Я отстранился от окна и принялся ворошить хлам, разбросанный по всему чердаку. Он надеялся, что ключ находится именно здесь. В стороны беспорядочно летели ненужное тряпье и сломанные игрушки. Громко ударился об пол отброшенный табурет без двух ножек. Я импульсивно разбрасывал старый хлам, еще сильнее засоряя при этом чердак. Он пребывал в таком исступлении, что даже Голос не мог до него достучаться. Я перерыл весь второй этаж и, не найдя там ключа, принялся за первый. Но и там ключа не обнаружилось. Обыскав уборную и кухню и не достигнув цели,

мальчик вернулся к окну и со стоном в душе устремил свой печальный взгляд на брошенную книгу. – Где же ты? – задал он немой вопрос и обессиленный уселся за стол, где когда-то рисовал. Там же он заметил разбросанные клочки бумаги — портрет, который он разорвал. Ярко, словно солнечный свет, проявились в памяти ее глаза, теплые и ясные. Глаза, которые Я, возможно, никогда больше не увидит, которые он не смог запечатлеть на рисунке, глаза, которые не опустятся в книгу, так безнадежно оставленную на земле. Его веки сомкнулись, и он медленно опустил голову на стол, подложив под нее руки.

***

Огонь. Он повсюду. Нужно бежать. Бежать, не оглядываясь. Огонь летит следом, у него есть крылья. Он настигает. Не оглядываться. Не выпустить из рук...

Цветы. Они повсюду. Они говорят... Нет, они смеются. Над кем они смеются? Они смотрят. Они все видят. Отражаются в зеркалах, и от этого их становится еще больше. Их глаза везде. И смех, смех, смех...

Лёд. Он повсюду. Холодно. Одиноко. Нельзя стоять, нужно двигаться. Двигаться, плыть на дно, иначе не согреться. Нужен свет, нужно тепло...

Тьма. Она повсюду. Она выжидает. Нужен фонарь, но он так высоко. Если бы можно было взлететь как... мотылек.

Оно тоже здесь. Оно внизу, оно обитает в темноте. Оно охраняет. Что-то блестит у него под ногами...

Ключ. Оно держит ключ.

ГЛАВА II. Я и мотылёк

«Сны — отражение реальности. Реальность — отражение снов».
Зигмунд Фрейд.

– Проснись. Проснись!

С вырвавшимся стоном Я распахнул глаза. Грудь мальчика вздымалась и неровно опускалась вниз, наполняя легкие кислородом и разгоняя кровь по дрожащему хрупкому телу. Липкий, холодный пот пропитал его ночную рубашку.

– Эти сны не дают тебе покоя, – заметил Голос.

Чтобы хоть немного успокоиться, Я сжал кулаки, сминая простынь, и глубоко вдохнул. Через мгновение он выпустил воздух и разжал пальцы, постепенно приходя в себя.

– Я в порядке...

Мальчик рывком поднялся на кровати, отбрасывая одеяло в сторону, и даже не переодевшись, босоногий помчался на чердак. Он был полон решимости завершить одно начатое им намедни дело, и пока воспоминания еще не покинули его свежую голову, ему необходимо было спешить, иначе все его старания оказались бы напрасны, а Я не мог этого допустить. Усевшись за рабочий стол, мальчик приготовил чистый лист бумаги.

– Так сразу? – Удивленно спросил Голос. – Ты ведь ещё даже не...

– Пожалуйста, не отвлекай меня. – Ответил Я.

Голос послушно умолк, и мальчик принялся за работу. Контур за контуром, линия за линией, — и на листе стала образовываться неясная фигура. Я усердно водил карандашом и с явным нетерпением стирал неудавшиеся черты ластиком. Затем, когда общая картина, кажется, начала удовлетворять его ожидания, он выбрал несколько цветных карандашей и неуверенно стал раскрашивать.

Закончив рисунок, он аккуратно взял его в руки, и вертикально поставил на стол, не разжимая пальцев. С минуту он пристально глядел на лист, словно пытаясь прожечь его взглядом, и, нервно покусывая губы, резким движением одернул рисунок в сторону. Его взгляд не дрогнул, и мальчик остался смотреть пред собой. Рисунок подрагивал в вытянутой руке, а затем стремительно исчез в кулаке, легким шелестом прошептав прощальные аккорды своей недолгой жизни.

Я опустил руку и с разочарованием поглядел на пустующее пространство на деревянной поверхности стола. Карандаши и другие пишущие принадлежности нисколько не интересовали его в этот момент. Смятый лист бумаги отлетел в сторону и мягко ударился о пол.

– Не расстраивайся, – подбодрил его Голос, – в следующий раз у нас обязательно всё получится. А сейчас, дорогой,

тебе нужно поесть, ведь хороший, плотный завтрак — это залог отличного настроения и бодрости на весь день. Как думаешь, а?

– Может, ты и прав. – Пробормотал мальчик и не спеша побрел вниз по лестнице.

***

Я видел цель. Впервые за долгое время, мальчик ясно осознавал, чему он может посвятить теперь свою жизнь.

Сначала была тьма. Но вскоре забрезжил свет, совсем крохотный отблеск надежды, и Я не мог не уцепиться за эту возможность. Ключ, который он так намеревался найти, покоился у лап чудовища, что обитало в подвале Дома. Его разум подсказал ему это во сне. Тогда Я вспомнил, как когда-то давным-давно сам же и бросил ключ туда, в самую темную дальнюю комнату, как какую-то ненужную и даже очень опасную вещь. Всё, что находилось в черной комнате, обречено было оставаться там навеки, в забытьи и недосягаемости. Но мог ли Я себе вообразить тогда, во что превратится тот крохотный паучок, сидевший на стене? Мог ли Я знать, что за чудовище уродится в этом, даже Домом забытом, месте? Черная комната, словно тюрьма, укрывала в себе всё самое ужасное, самое мучительное, что может существовать на свете. И теперь Оно, кажется, желает выйти наружу. И когда Оно выйдет, весь этот Дом станет Его обителью, и

ничто не сможет противостоять Ему. Тогда наступит конец.

***

Она так и не забрала книгу. Та по-прежнему пылилась под скамейкой, никому не нужная. Если кто и проходил мимо, то он даже не потрудился хотя бы поднять её с земли. Это почему-то очень задевало мальчика. Я уж точно не оставил бы книгу вот так валяться в грязи и подобрал бы, имей он возможность добраться до неё. К тому же ему было крайне любопытно узнать, что же читала та незнакомка?

Его мысли вернулись к ключу. Вот бы достать его из подвала, но как это сделать минуя чудовище? Это просто невозможно. Оно жило во тьме все это время и наверняка научилось видеть в темноте лучше него. Если мальчик просто туда войдет, Оно сразу же его схватит.

Я перевел взгляд с книги на фонарный столб, что стоял подле неё, и его озарила мысль.

– Мне нужен фонарь, – заявил он, обращаясь к Дому.

– Прости, но, кажется, я не смогу удовлетворить твою просьбу. – Виновато отозвался Голос. – Может, я могу помочь тебе чем-то еще?

– Нет, мне нужен только фонарь. – Огорчился Я и принялся ворошить разбросанную утварь на чердаке, в надежде найти что-нибудь подходящее. К сожалению, всё это барахло оказалось бесполезным. Мальчик остановился и обреченно

вздохнул.

– Ты же можешь создать всё что угодно, – вдруг выпалил он. – Ты ведь много раз так делал, почему ты не можешь сделать это сейчас?

– Я могу воссоздать то, что уже когда-то «видел», хоть я и не могу видеть в обычном понимании этого слова, у меня ведь нет глаз, как у тебя. Но я смогу «увидеть» что-то, если ты это себе представишь и опишешь мне в мельчайших подробностях. Тогда я сотворю для тебя всё, что пожелаешь.

Я тут же приблизился к окну и начал изучать фонарный столб. Но кроме того, что он был довольно старый, высокий и выкрашенный в черный цвет, он не смог ничего углядеть. Тогда он постарался представить себе другой фонарь, но и тут его ждало разочарование. Как мальчик ни старался, ему не удавалось запечатлеть в уме все подробности. Наконец он попытался изобразить образы на бумаге, но результат оставлял желать лучшего. Я хотел было уже сдаться, но какое-то внутреннее стремление любыми способами добиться успеха в важном для него деле не позволяло ему опускать руки, хоть мальчик и порядком утомился. Даже Дом заметил его усталый вид.

– Прости, что из-за меня тебе приходится так мучиться. Я вижу, как для тебя это важно, и, честно, хочу тебе помочь, но не могу.

Мальчик отвлекся на секунду от изнурительного мозгового штурма и блужданий взад-вперед по комнате. Но промол-

чал, не зная, что ответить.

– Я помню тебя совсем ещё маленьким, – протянул Голос, – как ты так же бродил по дому, фантазируя о том о сём. Уже тогда ты мог сотворить для себя целый мир в своей голове, исполненной воображения, и на лице у тебя всегда сверкала улыбка. Ты был счастлив, а я был счастлив вдвойне. Но теперь... – Голос остановился, но спустя недолгую паузу тихим тоном продолжил. – Теперь ты всё чаще печалишься, и... я печалюсь вдвойне.

Когда Голос произнес эти слова, весь Дом как будто содрогнулся, и его стены отозвались гулким эхом.

– Это я во всём виноват. Прости меня. – Почти шепотом произнес Голос.

Я был ошеломлен. Никогда раньше Голос не представал перед ним таким удрученным, и Я даже немного растерялся. Конечно, он любил свой Дом, но только сейчас вдруг задумался о том, что он тоже умеет чувствовать. Я был всем обязан этому Дому, который, практически, стал ему и мамой, и папой, и кроме него мальчик больше никого не знал. Но Я всегда воспринимал его как что-то само собой разумеющееся и думал лишь о своих потребностях. Чувство жалости и благодарности вдруг нахлынули на мальчика, сокрушающей силой и мощью.

– Ты ни в чем не виноват. – Начал он, неловко подбирая слова. – Я просто... знаешь, э-эм, не знаю, что со мной происходит. Всё так странно и так... ох, в общем, всё очень сложно.

Эти сны, эти чувства, всё это так непонятно, и так хочется во всём разобраться. Прости, если я тебя огорчаю в последнее время. Ты единственный, кто у меня есть, и без тебя я бы совсем пропал.

Последние слова Я произнес еле слышно и так смиренно, что Голос сразу поспешил его утешить:

– О, ну что ты, мой милый мальчик, всё в порядке. Что бы ни случилось, я никогда не оставлю тебя и всегда буду рядом. Обещаю.

– Спасибо. – Смущенно улыбнулся Я.

– Так, не хочешь ли немного отдохнуть? – Сказал Голос, после короткой заминки. – Ты сегодня немало поработал головой.

Я и сам понимал, что отдых не помешал бы, да и чувство голода начало одолевать всё сильнее. Но чуть позже он вернулся к своей задаче, нависшей над ним тяжким грузом, разобраться с которой нужно было неотлагательно.

День за днем он трудился, вырисовывая плоды своего воображения. Это был единственный способ, подробно показать Дому, что тот должен воспроизвести. Одно за другим он браковал свои произведения, так как все они не соответствовали его ожиданиям. Но однажды, во сне, он увидел то, что раньше было скрыто его взору, и по пробуждении, он не позабыл эту деталь. Как и тогда, его подсознание, кажется, пыталось подсказать ему направление, куда необходимо было двигаться. И каждый раз, проснувшись, Я спешил на чер-

дак, чтобы зафиксировать всю информацию, полученную им в мире грёз и фантазий. На полу, под столом, уже образовалась небольшая кучка смятых клочков бумаги, но Я был уверен — еще несколько ночей, и заветный фонарь будет у него в руках, а там, глядишь, и ключ не за горами.

***

Огонь повсюду. Он летит следом. Нужно бе...

...Я неподвижно стоял в центре пустой, квадратной комнаты, стены которой были оклеены старыми светло-зелеными обоями с цветочным узором, а пол устилал мягкий ворсистый ковролин, растянувшийся от края до края. Солнечный свет с трудом просачивался сквозь поросшее живой изгородью окно, и густое извилистое растение отбрасывало на пол изогнутые, вьющиеся тени. Впереди виднелась тяжелая лакированная дверь с замысловатым резным орнаментом.

В легком полумраке мальчик заметил маленького, робко порхающего мотылька, и с искренним любопытством стал наблюдать за его полётом. Обернувшись, он вдруг наткнулся на небольшой круглый столик, одиноко расположившийся посреди комнаты и разбавлявший собой пустоту вокруг. Внимание мальчика поглотил изящный, искусный фонарь, величаво водрузившийся на столе. Его стеклянные стенки были испещрены многочисленными красивыми узорами, словно серебристыми нитями, а ножки элегантно завива-

лись кончиком вверх. Внутри находилась зажженная свеча, а дверца фонаря была заперта на крючковатый декоративный засов, накинутый на круглую ручку. Мотылек облетел пару раз вокруг фонаря и приземлился на крышку, словно завороженный светом горящей свечи. Я был настолько увлечен, что не заметил, как тяжелая дверь за его спиной медленно и тихо приоткрылась. В этот момент мотылек будто бы уменьшился в размере — поджал крылышки и опустил усики, и мальчик подумал, что он его боится. Я сделал полшага назад и почувствовал слабое дуновение на шее. Он обернулся и был готов поклясться, что уловил чьё-то еле ощутимое дыхание, но за спиной никого не оказалось. Увидев приоткрытую дверь и образовавшуюся в проеме темную щель, мальчик невольно поежился. Ему хотелось укрыться от гнетущего ощущения, что кто-то следит за ним по ту сторону. Медленно, повинуясь инстинктивному желанию, он направился вперед, чтобы удостовериться в своих опасениях и закрыть дверь, тем самым избавив себя от нарастающего волнения. Но, не дойдя каких-то пары шагов, мальчик снова услышал дыхание и шелест за спиной. Я сразу же повернулся на звук, но комната была пуста, лишь фонарь безмятежно стоял на столике, поигрывая слабым огоньком внутри. Я порывисто осмотрелся вокруг, и когда сверху послышался глухой, барабанный рокот, он поднял голову, округлив глаза от ужаса. На потолке, прямо над ним, расправив острые крылья, сидел огромный, размером с пятерню, мотылек. Он был похож на

тень, впившуюся своими цепкими лапами в поверхность и как хищник нависшую над своей жертвой. Крупное, вытянутое туловище угрожающе подрагивало, а из его конца, в разные стороны торчали два длинных, щетинистых отростка. Я всем нутром содрогнулся от отвращения и страха. Раздался цокот, а затем хриплый стрекочущий голос проскрипел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.